

О ПОПЫТКЕ ПРИМЕНЕНИЯ «НОВЫХ МЕТОДИК СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА» К МАТЕРИАЛУ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ *

У любого читателя этой рецензии может возникнуть и наверняка возникнет вопрос: заслуживает ли столь краткая брошюра (изданная к тому же малым тиражом) такого долгого разговора? Ответим так: поскольку авторы брошюры пытаются доказать, что утвердившиеся в исторической науке представления могут быть перевернуты, по сути дела, без прикосновения к истории (к *смысловой стороне* ее материала) при помощи неких формальных выкладок, поскольку именно такой — игнорирующий методы и опыт работы историков — подход они объявляют объективным, а всякий иной, по их мнению, влечет к «субъективизму в выводах» (с. 9), поскольку, наконец, они избрали полем для своих упражнений древнюю историю, — мы должны высказаться. Затрагиваемые при этом разговоре методические и методологические вопросы имеют очень широкое значение — именно поэтому мы не сочли себя вправе уклониться от пристального рассмотрения самих предлагаемых в брошюре «методик», их *собственно методической стороны* (предпосылок, обращения с материалом, логики рассуждений).

Авторы брошюры хотели бы продемонстрировать читателю лишь часть своей концепции, утверждая, что «никаких содержательных хронографических выводов» из их методик в брошюре, «как правило, не делается» (с. 3). Это утверждение неточно. Такие выводы в ней есть, только они, «как правило», не следуют из методик, а *предшествуют* им. Авторы прямо говорят, что отправным пунктом для них были «известные концепции Н. А. Морозова», содержание которых они предпочитают полностью не раскрывать и в основе которых, напомним, лежит тезис о фиктивности древней истории и античной культуры. Мы отнюдь не разделяем убежденности авторов брошюры в научной значимости этих совсем не «новых» и более чем парадоксальных построений. В конце рецензии нам придется остановиться на концепциях Морозова более конкретно, пока же мы будем рассматривать их лишь как составную часть концепции авторов брошюры, пишущих *сегодня*. И если, по их словам, в брошюре «излагаются только методики и получающиеся на их основе статистические факты», то мы должны помнить, что «новые методики» (в разработке которых принимал участие А. Миценко), как явствует из авторского введения (с. 3), полностью подчинены целям подкрепления или модификации старых умозрений Н. А. Морозова.

Что же касается собственно «статистических фактов», то авторы, думается, более осмотрительны, когда на той же странице именуют их скромней — «результатами». Еще точнее было бы говорить лишь об *интерпретациях* результатов (порой — даже еще не полученных, как в § 1.2 и 1.3). Так или иначе, в брошюре ее авторы предполагают ограничиться «обзором тех новых результатов, которые имеют математико-ста-

* Постников М. М., Фоменко А. Т. Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. Предварительная публикация. М., 1980, 36 с., ц. 26 к.

тистический характер и могут быть сформулированы в более или менее формальных терминах» (с. 3). Разумеется, чтобы такие результаты получили значение «фактов», недостаточно их соответствия некоей «методике». Для их оценки — не формальной, а по существу — необходимо рассмотрение вопросов: о применимости конкретных методик к конкретному материалу тех наук, где их предполагается использовать; о содержательной стороне (т. е. смысле) полученных результатов и возможных их интерпретаций; о соотношении полученных результатов и интерпретаций со всей системой фактов и закономерностей, установленных в ходе развития данной науки. Для всего этого одной «статистической» стороной не обойтись.

Видимо, недаром В. Н. Тутубалин в своей книге «Теория вероятностей» подчеркивает, что уже при преподавании этой теории «важно соблюдать равновесие между чисто математическим и естественнонаучным¹ материалом, так как (...) пренебрежение вторым наносит ущерб правильной оценке роли теории вероятностей в науке»². Предостерегая от опасностей, связанных с возможностями приложения теории вероятностей к материалам конкретных наук, Тутубалин указывает и на такую: «...Вполне квалифицированный математик может быть, к сожалению, лишен здравого смысла естествоиспытателя и предлагать применять теорию вероятностей во всех случаях жизни, в том числе и в тех, когда она неприменима» (там же, с. 143). Из пояснений того же автора следует, что применение математических методов не решает вопроса об объективности или субъективности получаемых результатов. «...Ясно — пишет он, — что вопрос о применимости вероятностных методов в каждом отдельном случае решается на интуитивном уровне (интуиция, конечно, основана на личном и общенаучном опыте). Научная добросовестность требует от каждого исследователя применения доступных методов проверки статистической устойчивости³, но наличие ее редко можно вполне гарантировать» (там же, с. 6 сл.). Цитируемые замечания имеют для нас двойное значение. Во-первых, они показывают, что в нашем случае речь должна идти не о мнимой конфронтации методов математики (или астрономии) и истории (как это пытаются представить авторы рассматриваемой брошюры), а об умении или неумении (желании или нежелании) автора методики считаться с материалом конкретной науки (даже просто о владении или невладении им). Во-вторых, подчеркиваемая математиком необходимость обращения к *здравому смыслу* подсказывает нам мысль о возможности и необходимости *нематематической* критики тех или иных попыток приложения математических методов к историческому материалу.

Исходя из этого, мы и хотим не то чтобы вступить с авторами брошюры в спор (для всякого, кто стоит на позициях историзма и хоть сколько-нибудь представляет себе характер, разнообразие и объем материала древней истории, сами результаты применения «новых методик» являют собой их лучшее опровержение, так что спор о деталях неинтересен), но просто попытаться понять, с чем же, собственно говоря, мы имеем дело.

I

Первый параграф брошюры озаглавлен «Три идеи Морозова», но, рассматривая затронутые в нем вопросы, мы не будем касаться историографической стороны. Отклоняясь от порядка изложения «методик» в брошюре, начнем с тех, которые, судя по изложению самих авторов, не дали им определенных результатов.

§ 1.2. брошюры посвящен «распределению жанров античной литературы по времени». Его неравномерность, по мнению авторов брошюры, не отвечает «теоретико-вероятностным» возможностям. Прежде чем рассматривать это предположение по существу, приведем сначала длинную выписку, которая нам покажет, на каком уровне ведется ими изложение: «История литературы в Древней Греции, не считая легендарных Орфея и Музея, начинается с VIII—VII вв. до н. э. полулегендарными Гомером и Гесиодом. С 700 по 500 г. до н. э. в Греции преобладают, в основном, представители

¹ В книге В. Н. Тутубалина вопрос о применимости теории вероятностей рассматривается на примере естественных наук.

² Тутубалин В. Н. Теория вероятностей. Краткий курс и научно-методические замечания. М., 1972, с. 149.

³ Об этом понятии, как и о понятии случайности см. там же, с. 5 и др.

лирического, эпического и сатирического направлений. К 500 г. до н. э. все эти направления исчезают и расцветает трагедия, а вслед за ней — комедия, бесследно исчезающие к 400 г. до н. э. На их месте появляются философы. Не успели они прекратиться (sic!), как вновь возникает комедия, чтобы с 300 г. до н. э. уже больше никогда не возникнуть. Незадолго до этого выдыхается и философская мысль. На смену комедии и философии приходят дидактика и буколика, завершающие историю литературы в Древней Греции. Если не считать гомеровского периода, то на все литературное творчество в Древней Греции приходится около 600 лет, а на трагедию всего 100 лет. В остальные 500 лет, ни до, ни после не появилось ни одного автора трагедий. На комедию приходится 150 лет, а сатира лишь промелькнула около 500 г. до н. э. и никогда более не возобновлялась. Аналогичная картина наблюдается и в Древнем Риме. В течение первых 150 лет в Риме были только драматурги. К 100 г. до н. э. драматурги исчезли и вместо них на 200 лет появилась волна поэтов и т. д. и т. п.» (с. 7).

Этот грубый шарж на историю античной литературы едва ли заслуживает опровержений. Для греческой литературы в этой схеме вовсе не находит себе места не философская проза V—IV вв. до н. э., не говоря уже о более поздних временах (исторички, ораторы), а за пределами краткого периода, которым авторы брошюры произвольно ограничивают «все литературное творчество» древних греков, остаются такие авторы (упомянув лишь наиболее известных в русских переводах), как Плутарх (I—II вв. н. э.), Лукиан, Арриан (включая его записи лекций философа Эпиктета), Павсаний (все трое — II в. н. э.) и мн. др. Важнейший для дальнейшей истории литературы жанр — греческий роман (дошедшие до нас в полном виде образцы — II—V вв. н. э.) — тоже остается за пределами схемы (как и весь важнейший для развития греческой литературы период римского владычества). С римской литературой дело обстоит еще хуже: напомним, что одновременно с «драматургами» писал Натон, между ними и «волной поэтов» — вся проза «золотой латыни»: Цезарь, Цицерон, Варрон, Саллюстий; современником «волны поэтов» был Тит Ливий. Дальше авторы брошюры не продолжают. Видимо потому, что для римской литературы послеавгустовского времени ее многожанровость очевидна.

Но главное — не в этом. Изложив свою схему (некорректность которой еще и в том, что делается вид, будто синхронного развития разных жанров не существовало), авторы брошюры уверяют читателя, будто «эта смена жанров историкам литературы известна, но они не обращали на нее серьезного внимания»⁴, Морозов был первый, кто подчеркнул необходимость ее объяснения и указал на неудовлетворительность тех объяснений, которые имеются. Например, считать, что в первый период затерялось все, кроме поэтов, а во второй — все, кроме драматургов и т. д., — значит вступать в противоречие с теорией вероятности, согласно которой из всех родов должно было затеряться приблизительно одинаковое число процентов. Последнее теоретико-вероятностное утверждение представляется очевидным⁵; однако не совсем ясно, как его теоретически обосновать» (с. 7—8).

Но ведь никто, кроме авторов брошюры и Н. А. Морозова, и не думал объяснять последовательность зарождения отдельных жанров, периоды их расцвета и упадка и т. п. чисто механически «потерей и забыванием» (это объяснение придумано лишь затем, чтобы было, что опровергать на формальном, несодержательном уровне). Начать с того, что историкам известны имена авторов, названия и фрагменты (порой достаточно представительные) подавляющего большинства утерянных сочинений, которые, таким образом, выпадают лишь из карикатуренной схемы истории античной литературы.

⁴ Напротив, филолог указывает на то, что этой теме до сих пор уделялось преимущественное внимание, в ущерб другим. — См. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». — В сб.: *Типология и взаимосвязь литератур древнего мира.* М., 1971, с. 206. Заметим, что устаревшая традиция излагать историю античной литературы по жанрам (а не хронологически), встречающаяся в пособиях, сама объясняется исторически — она идет от руководств эпохи классицизма, когда система жанров считалась основой теории литературы.

⁵ Ср. *Тутубалин.* Ук. соч., с. 145: «Не так просто привести пример случайного эксперимента с известной вероятностью томо или иного исхода. Пожалуй только бросание монеты никогда не бралось под сомнение. При бросании кости вряд ли можно сомневаться в статистической устойчивости, однако, в некоторых экспериментах с несомненностью обнаруживалось, что вероятности выпадения отдельных граней не равны $\frac{1}{6}$ ».

История ее жанров объяснялась ее историками исторически, т. е. исходя из обусловленности литературных явлений закономерным развитием культуры, к которой они принадлежали. Вопрос же о том, почему утрачены те, а не другие произведения, в данной связи второстепенен, хотя и для него можно найти осмысленный ответ (основывающийся на таких факторах, как популярность в последующих эпохах, вхождение в определенный канон, распространенность в школах и т. п.).

Однако решение вопроса на содержательном уровне не устраивает авторов брошюры, так как оно исходит не из гипотезы о случайности утрат, а из необходимости исследовать их причинную обусловленность, что исключает применение теоретико-вероятностной модели. Поэтому они просто замалчивают это объяснение (единственное, существующее в научной литературе) и предпочитают ломиться в открытую дверь, критикуя предложенную А. Мищенко «модель потери и забывания», правомерность которой им «не ясна» (с. 8). На деле же очевидна ее неправомерность (помимо ее безотносительности к интересующему нас вопросу). Вот эта «модель»: «А. Мищенко предложил взять достаточно полный, но не всеобъемлющий обзор средневековой и новой литературы какой-нибудь страны и по определению считать „забытыми и потерянными“ сочинения, не упомянутые в обзоре. Он проделал такого рода эксперимент (...) и получил графики, подтверждающие тезис о равномерности забывания» (с. 8). Но ведь включение тех или иных произведений в описанного рода обзор обуславливается сознательным отбором, в основе которого лежат: концепция составителя и стремление к *представительности* обзора. Поэтому он вообще не может служить вероятностной моделью⁶. Заключение авторов брошюры: «Здесь безусловно требуется еще много работы» (с. 8) должно создать впечатление перспективности самого направления поисков, указанного их сотрудником. Но дело не только в желании направить читателя по ложному следу. Речь идет о *последовательном недопущении* содержательного, т. е. исторического объяснения. Сама мысль о нем просто не допускается к рассмотрению авторами брошюры, предпочитающими критиковать не существующую в исторической науке гипотезу.

§ 1.3 брошюры — «Проблема авторского инварианта» (с. 8—10) — стоит особняком, так как речь в нем идет об использовании статистических методов в лингвистике (а также в литературоведении), которое, как пишут сами авторы (с. 8), сейчас уже стало общераспространенным⁷. Они применяются, между прочим, и «для решения проблем хронологии и атрибуции»⁸. Вопрос о приоритете Морозова (чьи конкретные выводы оказались вскоре опровергнутыми) в развитии этой идеи принадлежит истории науки и здесь касаться его мы не будем. Все, что могут предъявить читателям авторы брошюры, сделано на материале русских литературных текстов и относится только к ним. Согласно Фоменко (с. 10), «процентное содержание служебных слов» может считаться устойчивой характеристикой («авторским инвариантом») и использоваться для атрибуции, хотя — с осторожностью. «Для историографических целей» авторы брошюры ограничиваются пожеланием: «Нужен авторский инвариант для латинского и греческого языков», который позволит «де проверить, например, принадлежность диалогов Платона одному лицу (...) и решить аналогичный вопрос для „Илиады“ и „Одиссеи“ (считается, что последний вопрос положительно решен проведенным в Америке исследованием на ЭВМ, показавшим определенное ритмическое единство обеих поэм, но подробности этих исследований нам неизвестны...)» (с. 10).

Итак, в том, что касается «материала древней истории» авторами брошюры не сделано ничего, а о том, что сделано без них, они имеют достаточно смутное представление. Вообще же исследования такого рода действительно могут показать стилистическую или ритмическую однородность или неоднородность текстов (т. е. распределить ис-

⁶ А значит, незачем и сожалеть о том, что «для уверенных статистических выводов объем использованной им (т. е. Мищенко. — *Рец.*) генеральной совокупности явно недостаточен» (с. 8).

⁷ Для общей постановки вопроса о применении статистических методов в филологии очень важны замечания и предостережения одного из пионеров этого дела в отечественном стиховедении Б. В. Томашевского (см. в его кн.: О [стихе]. Л., 1929, с. 34—36).

⁸ *Тарлинская М. Г.* Применение точных методов в стиховедении для целей атрибуции. (На опыте изучения драм Шекспира). — В сб.: НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980, с. 175.

следуемые тексты по группам), но дальнейшее — уже вопрос *интерпретации*. Так, «ритмическое единство» гомеровских поэм (особенно при отсутствии современного им сравнительного материала) может указывать и не на одного автора, а на принадлежность к одному историко-литературному пласту. Выбор той или иной из различных интерпретаций, допускаемых результатом количественного анализа, будет зависеть от других — выходящих за его пределы — критериев. Убеденная поборница «точных методов в стиховедении», М. Г. Тарлинская пишет (ук. соч., с. 185): «Использованные нами критерии оценки стиха не могут претендовать на окончательность суждений при решении столь сложных проблем, как хронология и атрибуция; это относится вообще к любым другим отдельно взятым критериям. Такие проблемы могут быть решены только при использовании самых различных критериев в совокупности».

А теперь перейдем к более существенному вопросу — к рассмотрению «статистики древних затмений» (§ 1.4), которой в аргументации Постникова и Фоменко отведена ударная роль (недаром они начинают свое изложение именно с нее). Более интересна она и для нас, поскольку здесь мы можем обратиться к конкретному материалу и поскольку при предельной простоте и общедоступности математического содержания этого раздела мы получаем возможность разобрать его аргументацию целиком и всесторонне ознакомиться с типичным (и важным в общей концепции авторов брошюры) образцом «новых статистических методик».

Опять длинная выписка из брошюры⁹: «Идея использовать имеющиеся в древних документах сообщения о затмениях Солнца и Луны для датировки этих документов появилась еще в XVI в. <...>. Однако астрономические соображения обычно комбинировались при этом со всем комплексом имеющейся у историков информации и потому лишались надежности и определенности чисто астрономических данных. Морозов предложил методику *непредвзятого* астрономического датирования, состоящую в том, что из текста извлекаются характеристики затмения и на основе астрономических таблиц чисто механически выписываются даты всех затмений с этими характеристиками. *Непредвзятость* отражается в том, что не обращается внимания ни на какую иную „внеастрономическую“ информацию. Это четко выделяет астрономический субстрат проблемы и прелятирует прикрытие авторитетом астрономии шатких построений историков» (с. 3—4).

Прежде чем приступить к нашему анализу, укажем на странное понимание «непредвзятости» авторами брошюры. Они видят ее, во-первых, в *заранее* принимаемой (т. е. именно *предвзятой* по буквальному смыслу этого слова) оценке исторической науки как «шатких построений», во-вторых, в сознательном отсечении части (заведомо большей части) информации на основании опять-таки *заранее* принимаемой (т. е. тоже *предвзятой*) ее оценки.

Переходя от психологии к логике, обратим внимание на уверенность авторов брошюры в том, что иссеченные ими из целого элементы текста обладают «надежностью и определенностью чисто астрономических данных». Но на чем зиждется эта уверенность? Ведь без внимательного исследования *исходного материала* никакая верификация выводов вообще невозможна. Налагая veto на подобное исследование, авторы брошюры придают используемым ими понятиям — таким, как «текст» или «характеристики затмения» и т. п., — принципиально нераскрываемый, мистифицированный характер и тем самым немотивированно упраздняют вопрос о сопоставимости используемых ими данных. Для демистификации такой «методики» есть два пути: идти от ее материала или от получаемых в результате ее применения выводов. Начнем с первого — он потребует от нас терпения и обстоятельности.

Сделаем именно то, чего Постников и Фоменко так боятся: попытаемся по возможности детально рассмотреть *один* из упоминаемых ими фактов в комплексе имеющейся у нас информации. В качестве такого примерного факта возьмем известное по Фукидиду и упоминаемое у других авторов солнечное затмение. Это будет полезно как потому,

⁹ Курсив в цитатах везде наш.

что трактовке сообщения Фукидида Постников и Фоменко уделяют роль одного из краеугольных камней их построения, так и потому, что фукидидовское описание действительно не тривиально.

«...За описанное Фукидидом, — уверяют нас авторы брошюры, — традиционно принимается затмение 3 августа 431 г. до н. э.¹⁰, хотя это затмение было частным, а Фукидид описывает полное затмение» (с. 5). Последнее утверждение не аргументировано, но его нетрудно проверить — приведем текст Фукидида (II, 28): Τοῦ δ' αὐτοῦ θέρους νουμηνίᾳ κατὰ σελήνην, ὡσπερ καὶ μόνον δοχεὶ εἶναι γίγνεσθαι δυνατόν, ὁ ἥλιος ἐξέλειπε μετὰ μεσημβρίαν καὶ πάλιν ἀνεπληρώθη, γενόμενος μηναιοῖδης καὶ ἀστέρων τινῶν ἐκφανέντων¹¹.

Научные (т. е. снабженные точными ссылками на тексты) словари Папе и Лиддела — Скотта¹² позволяют увидеть употребляемые Фукидидом слова и понятия в их историческом развитии. Затмение обозначено непереходным глаголом ἐξέλειπε — аорист 3-го л. ед. ч. от глагола ἐκλείπω. В первом значении «покидать» этот глагол употребляется с прямым дополнением, т. е. как переходный. В такой форме он может применяться и для обозначения затмения. См., например, у Геродота (VII, 37): ὁρμομένῳ δὲ οἱ ὁ ἥλιος ἐκλείπων τὴν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἔδρην ἀφανῆς τὴν οὐτ' ἐπιγεφύλων ἐόντων αἰθρήσιν τε τὰ μάλιστα, ἀντὶ ἡμέρης τε νύξ ἐγένετο («...во время сборов царя в поход солнце, покинув свою обитель на небе, стало невидимым, хотя небо было безоблачное и совершенно ясное, и день обратился в ночь», — пер. Г. А. Стратановского). Глагол ἐκλείπω тут употреблен не терминологически, само затмение обозначено словами ἀφανῆς τὴν — «стало невидимым». Но имеем ли мы дело с конкретным описанием полного затмения или со стандартным описанием затмения вообще, из текста не видно. Словоупотребление — свободное до метафорического. Геродот не был очевидцем описываемого явления, рассказ о затмении имеет литературную функцию (вводит разъяснения магов и новеллу о лидийце Пифии). «Астрономический субстрат» неотделим от литературного контекста. Подобное же употребление глагола ἐκλείπω в описании затмения (лунного) мы встречаем и у Аристофана (Nub. 584—586): ἡ σελήνη δ' ἐξέλειπε τὰς οδοῦς· ὁ δ' ἥλιος τὴν θραυλλίδ' εἰς ἑαυτὸν εὐθέως ξυνελκῶσας οὐ φανεῖν ἔφασκεν ὕμιν, εἰ στρατηγέει Κλεῶν («Луна покинула свои пути и солнце, тут же спрятав свой светильник, сказало вам, что не станет показываться, если будет властвовать Клеон»). Из подобного сообщения вряд ли можно извлекать «чисто астрономические данные», хотя оно даже снабжено датирующими указаниями: «Когда вы избрали Пафлагонца (т. е. Клеова) стратегом» (v. 581). И тут «астрономическое» неотделимо от литературного. И Геродот, и Аристофан — старшие (по крайней мере в литературе) современники Фукидида.

У младшего его современника — Платона — мы находим уже знакомое нам по Фукидиду специфическое употребление глагола ἐκλείπω как непереходного. Речь идет (в «Федоне» 99 d) о «наблюдающих и исследующих затмение солнца» (букв. затмевающегося солнце): ὅσπερ οἱ τὸν ἥλιον ἐκλείποντα θεωροῦντες καὶ σκοποῦμενοι Отглагольное существительное ἐκλειψις (первое значение «оставление», «уход» и т. п.) тоже становится термином, когда речь идет о затмениях. Астроном II в. н. э. Клеомед употребляет его с уточнениями: ἐκλειψις τελεσία (или εἰλικρινής) — полное затмение; ἐκλειψις μερικὴ — частичное (цит. по Лидделу — Скотту). Таким образом, слова ἐκλείπω, ἐκλειψις — по крайней мере в терминологическом употреблении — применимы к любому затмению солнца: и полному, и частичному.

¹⁰ Сами авторы брошюры, основываясь на своем понимании (т. е. интерпретации) текста Фукидида (а именно, видя в нем описание полного затмения), предлагают дату 2 августа 1133 г. н. э. (с. 5). Неправильность их понимания текста и будет показана ниже.

¹¹ Вот это место в одном из опубликованных переводов: «Тем же летом, в новолуние, — кажется только тогда это и возможно, — солнце после полудня затмилось, так что стало как полумесяц и появились звезды, а потом округлилось снова» (пер. Ф. Мищенко — С. Жебелева в переработке М. Гаспарова. — В кн.: Историки Греции. Геродот, Фукидид, Ксенофонт. М., 1976, с. 184). Конечно, ни один перевод не может быть вполне адекватен подлиннику, к которому нам и следует обратиться.

¹² *Pape W. Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. B. I—III³. Braunschweig, 1914; Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon, rev. by H. S. Jones. Oxf. 1940.* Нами использовался также «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого (тт. I—II, М., 1958).

Так же и у Фукидида. В начале труда (I, 23, 3), рассказывая обо всем обрушившемся на Элладу в годы войны, он не забывает упомянуть и «солнечные затмения (ἡλίου τε ἔκλειψεις), случившиеся чаще запомнившегося о прежних временах» (пер. цит. по кн.: Историки Греции). Одно из них и есть затмение первого года войны, другое же (датируемое 21 марта 424 г. до н. э.) описано у Фукидида (IV, 52, 1) так: τοῦ δ' ἐπιγυγνομένου θεροῦς εὐθὺς τοῦ τε ἡλίου ἔκλιπές τι ἐγένετο περὶ νοομηρίαν. Примечательно, что на этот раз затмение обозначено прилагательным ἔκλιπές. Г. Страпановский, вероятно, относя τικ τοῦ ἡλίου, переводит: «В начале следующего лета в новолуние затмилась часть солнца». Словарь Лиддела—Скотта, однако, для нашего места дает: ἔκλιπές = ἔκλειψις, как кажется, видя здесь субстантивированное прилагательное среднего рода. Тогда ἔκλιπές τι — «некое затмение». По смыслу удачным представляется перевод в словаре Дворецкого (s. v.): «произошло небольшое затмение солнца». При том, что словоупотребление Фукидида, сравнительно с Геродотовым или Аристофановым, терминологично, оно остается достаточно свободным. Фукидид не астроном, хотя (как видим) не чужд астрономическим познаниям своего времени и проявляет пристальное внимание к затмениям, наряду с другими явлениями природы (землетрясения, эпидемии), которые он ставил в связь с войной (см. I, 23, 3).

Теперь, представляя себе диапазон значений и словоупотребления глагола ἐκλείπω и производных от него, вернемся к фукидидовскому описанию затмения первого года войны (II, 28, цит. выше). Нетрудно понять, что слова ἐξέλιπε... καὶ πάλιν ἀναπληρώθη указывают лишь на то, что затмение произошло и закончилось (т. е. солнце вернулось к прежнему—полному состоянию). Никакой специальной информации о характере затмения эти слова не несут. (Заметим, что и в нетерминологическом употреблении эти два глагола, сочетаясь друг с другом, возможно, образуют некое речевое клише — ср. в «Пире» Платона (188е): εἰ τι ἐξέλιπον, σὺν ἔργον ἀναπληρώσαι— «если я что-либо упустил из виду, твоё дело дополнить».) Описание самого небесного явления Фукидид даёт в виде двух причастных оборотов: 1) γενομένος μηνουεῖς «сделавшись месяцевидным» — здесь перфектная форма причастия согласована с подлежащим (ὁ ἥλιος) и поясняет сказуемое, указывая на результат действия (разумеется, поясняемым глаголом тут может быть только ἐξέλιπε, а не ἀναπληρώθη); 2) ἀστέρων τινῶν ἐφάνεντων — gen. absolutus, указывающий на *сопровождающее обстоятельство*: «при этом стали видны отдельные (букв.: кое-какие) звезды». Не приходится сомневаться, Фукидид описывает максимальную фазу этого затмения (не мог самый эффектный момент быть оставлен без внимания наблюдателем, столь скрупулезно описавшим все симптомы и течение афинской «чумы»). Итак, именно *полагаясь на Фукидидово описание*, можно утверждать, что затмение было *неполным*, и общепринятая датировка *не* расходится с данными астрономических таблиц, не столько подтверждающими, сколько обосновывающими ее.

Однако далеко не все древние источники допускают такой однозначный подход. Связанные с этим проблемы можно показать на примере группы более поздних источников, где упоминается то же самое затмение, которое столь четко описано у Фукидида.

К этой группе можно отнести сообщение Цицерона («О государстве», I, 25 — 54 — 51 г. до н. э.), Валерия Максима (VIII, 11, ext. 1—10 — 30-е гг. I в. до н. э.), Плутарха («Перикл», 35 — конец I — начало II в. до н. э.). Варианты Плутарха и Цицерона (от второго, видимо, зависит и краткий рассказ Валерия Максима) разнятся очень заметно (контекстом, характером изложения, подробностями). Тем не менее, все они объединены формой краткого поучительного рассказа, который может быть вставлен в любой контекст. Эта традиция — школьного происхождения («Так рассказывают в школах философов», — пишет Плутарх). Школьной дидактике принадлежит и тема, которой подчинено изложение всех трех рассказов: оратор (представляющий философскую мудрость) может прекратить панику, разъяснив людям природу явления, внушающего им неоправданный страх. Оратором выступает Перикл, повод к речи — затмение.

Вариант Плутарха поставлен в исторический (биографический) контекст и явно соотнесен с рассказом Фукидида. Он наиболее риторичен: речь Перикла приурочена к эффектному моменту — отплытию эскадры под командованием Перикла (ср. Thus., II, 56). Плутарх не смущается тем, что для этого ему пришлось перенести затмение на следующее лето (без сопоставления с Фукидидом это, впрочем, вряд ли можно заметить).

Такая вольность в обращении с фактами вообще свойственна античной риторике и не воспринималась ею как неправдивость¹³.

С более содержательным Цицероновским вариантом дело обстоит сложнее. В интересующей нас части трактата речь идет о важности философии и о пользе или бесполезности изучения небесных явлений (ложных солнц, затмений). На нас обрушивается поток сведений из истории древней астрономии: мы узнаем об избретенной Архимедом движущейся модели небесной сферы, на которой демонстрировались затмения, о его предшественниках — Фалесе Милетском и Евдоксе Книдском, о поэте-астрономе Арате и прежде всего о знакомом с учением Архимеда римлянине Гае Сульпиции Галле (консул 166 г. до н. э.), который прекратил панику в войске, объяснив неосведомленным людям причину лунного затмения. В связи с этим и вспоминает Цицерон рассказ о Перикле, слушателе Анаксагора, от которого тот еще прежде узнал, что затмение Солнца происходит «в положенный и неотвратимый срок, всякий раз, как луна целиком пододвинется под солнечный диск», что бывает «не каждое новолуние, но не иначе, как в новолуние». (Деталь, заставляющая нас вспомнить о словах Фукидида: «в новолуние, — кажется, только тогда это и возможно». Фукидид, несомненно, знал учение Анаксагора, произведшее сильное впечатление на современников.) Цицерон, верный римскому патриотизму, от Анаксагора обращается к Энинию (III—II вв. до н. э.), который сообщил, что в 350 г. от основания Рима (т. е. в 400 г. до н. э., если Цицерон следует здесь счету Полибия¹⁴) «Луна и ночь противостояли Солнцу в июньские ноны». Возможность расчетов, добавляет Цицерон, тут такова, что по этому дню, зафиксированному у Эниния и в «Больших анналах», было определено время прошлых затмений, начиная с «квинтильских нон в царствование Ромула». (Вот, оказывается, когда уже существовала идея астрономической хронологии.) Но датировка «Периклово» затмения у Цицерона более чем приближительна: «во время величайшей войны между афинянами и лакедемонянами»¹⁵. Видимо, начитанный в астрономической литературе Цицерон сам расчетов не производил, да и не нуждался здесь в точном определении времени затмения, как и в его «характеристиках». Оно упомянуто Цицероном только как повод для применения астрономических знаний, прочее же было тут ему безразлично.

Краткое изложение Валерия Максима, тоже упоминающее Анаксагора как наставника Перикла, не содержит более никаких конкретных сведений и, как говорилось, возможно, подсказано Цицероном¹⁶ (тем более, что здесь же мы находим и рассказ о Сульпиции Галле, который выступил перед напуганным войском, «рассуждая с большою осведомленностью об устройстве неба и природе светил» — VIII, 11, 1).

Описание «Периклово» затмения у всех троих авторов дано по одному шаблону: солнце затмилось и внезапно наступила темнота (*tenebrae, σκότος*). Можно ли на этом основании говорить о полном¹⁷ или неполном затмении? Подумаем. Описание стертое — оно приложимо к любому затмению (очевидцы неполного московского затмения 31 июля 1981 г. тоже говорили «стало темно»). Правда, в Цицероновом изложении учения Анаксагора речь идет только о полном затмении и даже не упоминается о том, что оно может быть неполным (хотя рассуждение посвящено природе затмений вообще). Мы, однако, не знаем, изначально ли входило изложение Анаксагора в риторизованный рассказ или оно добавлено контаминатором (самим Цицероном?). Не было ли оно при этом упрощено? (Тем более, что точность в «характеристике» затмения не имеет значения для дидактических целей рассказа, а полное даже выглядит эффектной.) Исходя из того, что вся эта группа источников поздняя и несет на себе явный отпечаток ри-

¹³ См. *Смирин В. М.* Школьная риторика Августа века как исторический источник. — ВДИ, 1977, № 1, с. 100 сл.

¹⁴ Ср. примечание В. О. Горенштейна в кн.: *Цицерон. Диалоги. О государстве — О законах.* М., 1966, с. 181. Указанное здесь расхождение между литературной и астрономической датировкой затмения (15 дней) для времени, столь отдаленного от юлианской реформы календаря, очень невелико и вряд ли стоит его называть «ошибкой Эниния» (подробнее о таких расхождениях см. ниже).

¹⁵ Связи рассказа о затмении с рассказом о морской экспедиции здесь нет, видимо, эта «расцветка» — более поздняя.

¹⁶ Или восходит к общему источнику.

¹⁷ Как это иногда делают историки, опирающиеся на риторизованную традицию, а не на Фукидида (ср. *Рожанский И. Д.* Анаксагор. М., 1972, с. 97).

торизации, допускавшей очень свободное обращение с материалом, следует сказать, что в контексте *этой* традиции затмение оказывается скорее *литературным*, чем историческим фактом. А если переводить данные этих рассказов в исторический контекст, то они будут значить только одно: в начале Пелопоннесской войны (до смерти Перикла) произошло какое-то затмение солнца.

Итак, очевидно, сведения, которые мы можем почерпнуть из «древнего документа», из исторического источника, отличаются, скажем, от научных фотографий уже тем, что они не даны нам в готовом виде. Они извлекаются из текста на мертвом языке, который для этого должен быть прочитан и понят, а при наличии нескольких источников поставлен в связь с другими текстами. Но это и есть историко-филологическая критика источника. Методика «непредвзятого астрономического датирования» *просто неосуществима*.

Более того, самая идея, лежащая в основе этой «методики», содержит в себе *порочный круг*. Отвергая источник в целом (по Морозову, как известно, это одни подделки, а согласно авторам брошюры, это — невесть что, невесть как появившиеся, например в XII в.), ее последователи проявляют *абсолютное доверие* к произвольно вырванному из него и произвольно истолкованному фрагменту (обосновывая им самые парадоксальные датировки).

Но и этого мало. Ведь действительно существует возможность поверять данные источника данными астрономии. *Зная методы обращения античных авторов с материалом и пределы точности исторической хронологии* (об этом чуть ниже), мы можем указать на содержащиеся в конкретном источнике неточности или, напротив, на отсутствие таковых. Отвергая возможность применения астрономии для *уточнения* данных источника, исходя из немотивированной дихотомии: либо *полное* подтверждение «исторической» датировки, либо *полное* отвержение ее, авторы брошюры покидают почву всякого здравого смысла. А здравый смысл мог бы помочь нам понять *реальное содержание* самих результатов предлагаемой авторами «статистики» древних затмений.

Для этого надо прежде всего установить *реальный* характер примененной ими методики. Сама попытка прочесть и понять источник относится к сфере методики историко-филологической. Но авторы идут и дальше, отказываясь от рассмотрения 10 сообщений, которые «совершенно неудовлетворительны (в половине случаев даже не ясно, идет ли речь о затмении, а не, скажем, о каком-то метеорологическом явлении)» (с. 4), различая «однозначные» описания от неоднозначных, авторы брошюры, вопреки своим заверениям, пытаются оценить не что иное, как *историческую* надежность источника. Пользуясь для этого лишь одним критерием — тем, что им представляется четкостью астрономического описания (но что может быть и стандартностью клише риторического общего места), они обеспечивают своему подходу отнюдь не «непредвзятость», но *односторонность* (которая никогда не уменьшала, а всегда увеличивала число возможных ошибок). Однако, что греха таить, так же поступали и поступают поныне иные историки, которые берут из источника то, что им нужно для подтверждения их концепций, и не обращают внимания на контекст. Так что в данном разделе брошюры мы сталкиваемся именно с *традиционной* методикой, причем применяемой безотчетно на эмпирико-эвклистическом уровне, снижающем и ее надежность.

К каким же результатам привело авторов брошюры рассмотрение 79 затмений с IV (как они полагают¹⁸) в. до н. э. по VI в. н. э.? «Ни одно затмение до середины IV в., — пишут они, — не подтверждается астрономией и 75% ею опровергается. Напротив, после середины IV в. лишь 2 затмения (8%) отвергаются астрономией» (с. 6).

Прежде всего нужно отделить собственно результаты подсчетов от их *экстраполирующей интерпретации*. Авторы брошюры считают, что «астрономия опровергает историю» там, где «традиционные хронологи меняли их (затмений. — *Рец.*) характеристики (скажем, вместо июньского затмения предлагали сентябрьское или вместо утреннего вечернее)» (с. 5). Ясно, что *сами по себе* результаты сопоставления данных авторами брошюры говорят не об «опровержении» или «подтверждении» истории астрономией, а всего лишь о случаях *совпадения или несовпадения* данных, извлекаемых из исторических источников, с данными, извлекаемыми из астрономических таблиц.

¹⁸ 431 г. до н. э. — это V в. до н. э.

Далее, необходимо учесть возможность ошибок. Приведенный разбо фукидидовского текста дает нам (вопреки утверждениям авторов брошюры) пример *совпадения* астрономических и исторических данных для затмения 431 г. до н. э., а значит и для «сцепленного» с ним затмения 424 г. до н. э. (т. е. уже для *двух* затмений, предшествующих середине IV в. н. э.). Очевидно, что предпринятая авторами брошюры попытка *тотальной* дискредитации исторических данных для более ранней группы затмений (назовем ее группой А, а более позднюю группой В) оказалась несостоятельной. Вероятно, вообще процент несовпадения двух рядов данных для группы А преувеличен авторами брошюры и от их «точных» цифр следует отказаться.

Само же различие этих групп по частоте и точности совпадения исторических и астрономических данных представляется нам, как мы покажем ниже, естественным. Но прежде всего надо посмотреть, не объясняется ли такая разница между группами А и В уже на *источниковедческом* уровне (что делало бы излишними поиски более сенсационных объяснений). Мы уже указывали на факты сознательно свободного обращения с датами в определенной литературной (в частности, исторической) традиции древности. Обследование — с этой точки зрения — источников о всех 79 затмениях выполнимо. Но здесь мы хотели бы подчеркнуть одно существенное обстоятельство, ускользнувшее от не слишком пристального взгляда авторов брошюры.

Нам приходится просить извинения у читателя за повторение некоторых элементарных сведений¹⁹, но тут нужно их припомнить, хотя бы вкратце. Как известно, в основе нашего летосчисления лежит так называемый юлианский календарь, введенный в Риме Юлием Цезарем с 1 января 45 г. до н. э. Этот календарь основан на солнечном годе, продолжительность которого принимается за 365 дней, а так как действительная длина солнечного (тропического) года превышает указанную приблизительно на $\frac{1}{4}$ суток, то для выравнивания календаря применяется система високосных годов, подвергшаяся впоследствии (в 1582 г.) уточнению (после чего реформированный юлианский календарь получил название григорианского).

Римский доюлианский календарь был одним из тех, о которых Бикерман (ук. соч., с. 46) пишет, что они «расходились с солнцем, не совпадали с фазами Луны и отличались друг от друга». Достаточно сказать, что Цезарю пришлось прибавить к году, предшествовавшему реформе, «90 дней для того, чтобы месяцы вновь совпали с соответствующими временами года» (там же, с. 42). Случись в этот период затмение, его календарная дата *в самый момент события* оказалась бы смещенной относительно астрономической *на целое время года* (т. е. по логике авторов брошюры оно «опровергалось бы астрономией» и подлежало бы списанию в Средние века). Но так, видимо, и бывало не раз (см. там же, с. 41). Для подгонки гражданского года к солнечному римляне до юлианской реформы пользовались добавлением вставного месяца (интеркалацией), которое было частым, но не регулярным, так как всякий раз определялось решением жреческой коллегии, ведавшей календарем, а оно было подвержено воздействию внешних обстоятельств, в результате чего римский календарь оказывался «блуждающим». Таким образом, римляне (как и вообще древние) были вынуждены пользоваться двойным счетом времени: по официальному календарю и по солнечному году (определяемому по солнцестояниям, движению звезд и т. п.). Второй способ позволял отсчитывать время лишь внутри года, но и в официальном календаре не было точки отсчета лет, год устанавливался по именам магистратов или отсчитывался от какого-либо известного события. Не вдаваясь в подробности, скажем, что такой счет лет вносил свои неправильности в хронологические расчеты, не говоря уже о трудностях перевода даты с одного календаря на другой. А ведь реформа Цезаря не унифицировала летосчисление даже в пределах Римской империи. На местах юлианский год вводился постепенно, местные календари существовали рядом с ним веками.

Известным шагом на пути к унификации хронологии явилась эра Диоклетиана (с 284 г.) Диоклетиан, собственно, ввел в Египте счет времени по юлианским консульским годам, но астрономы и астрологи, которые прежде пользовались старым египетским

¹⁹ Наше изложение основывается здесь на известной книге: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. Автор, профессор Колумбийского университета, пересмотрел текст своей книги для русского перевода, выпущенного с послесловием и дополняющими статьями ленинградских ученых И. М. Дьяконова, М. А. Дандамаева и В. А. Лившица.

календарем, стали считать время по годам царствования самого Диоклетиана и продолжали это делать при последующих императорах. Распространению эры гонителя христиан Диоклетиана парадоксальным образом способствовали сами христиане, употреблявшие ее при вычислении дня пасхи. В VI в. при составлении новых таблиц были использованы таблицы александрийской церкви, составленные на основе эры Диоклетиана, но ненавистное имя было изгнано; счет начали вести от даты, отождествленной с «воплощением» Христа (532 г. по этому счету следовал за 247 г. эры Диоклетиана).

«Таким образом, — заключает Бикерман (с. 76), — наше летосчисление просто является продолжением римского. Следовательно, все древние датировки, которые прямо или косвенно могут быть соотнесены со счислением по годам правления Диоклетиана, могут быть переведены в даты по юлианскому летосчислению».

Какое отношение имеет этот затянувшийся экскурс к предлагаемой нам «статистике древних затмений»? Полагаем, — прямое. В самом деле представим себе любую расположенную в хронологической последовательности серию датировок, обоснованных историческими данными, которая охватывала бы время с IV или V в. до н. э. по VI в. н. э. Простое соотнесение такого ряда с датами юлианской реформы календаря и начала Диоклетиановой эры покажет, что составляющие этот ряд датировки не однородны по возможной точности и что степень возможной точности в большей мере связана с местом той или иной датировки в нашем ряду. Ясно, что датировки событий, относящихся ко времени после Диоклетиана (как в нашем случае датировки затмений группы B) должны легче ложиться в юлианские годы по его эре. Для событий, предшествующих юлианской реформе (а точнее — ее широкому распространению и установлению определенной эры), идентификация таких дат будет представлять значительные (иногда очень значительные) трудности, поскольку здесь речь пойдет о переводе разнородных хронологических сведений источников в систему отсчета, более позднюю, чем сами эти сведения. Допуски здесь неизбежны. И, если мы наложим на наш ряд датировок параллельный ряд астрономических сведений, которые могут быть использованы (в тех не частых случаях, когда это возможно, как, скажем, при датировках затмений) для уточнения сведений исторических, то само собой ясно, что легче ждать совпадения обоих рядов для второй группы датировок и несовпадения (в тех или иных пределах) для первой. В нашем случае эти две группы и будут соответствовать группам A и B.

Теперь напомним еще одну общеизвестную вещь, а именно, что историческая хронология, основываемая на перекрестных проверках сведений о синхронных исторических событиях и (где возможно) астрономических явлениях (см. Бикерман, с. 80), отнюдь не претендует на абсолютную точность каждой устанавливаемой ею даты (для интересующего нас периода допуск может достигать нескольких лет)²⁰; она знает и существенные перегадировки, и хронологические загадки. Правда, сами ее неточности могут находить себе объяснение в объективном ходе исторического развития.

Поэтому отвечающее (для интересующего нас периода) хронологическому порядку событий распределение их датировок по точности (или, что то же самое,¹ по совпадению «исторических» и астрономических данных) отражает их (тоже отвечающую хронологическому порядку) статистическую неоднородность, которая в нашем случае и выразилась в распределении материала по группам A и B (различающимся между собой: формально — местом в хронологической последовательности, а по существу — несопоставимостью). Иными словами: попытка статистически обработать последовательность датировок, надежность которых изменяется на протяжении хронологического ряда (если не равномерно, то в целом все-таки отвечая их месту в этом ряду) дает нам в лучшем случае распределение материала, «портретирующее» его статистическую неоднородность.

Итак, интерпретация «статистики древних затмений» в направлении, предложенном авторами брошюры, невозможна, поскольку она требовала бы принятия трех абсурдных предположений: 1) что каково бы ни было наше отношение к историческому источнику в целом, мы вправе пользоваться вырванным из него фрагментом как го-

²⁰ См. Бикерман. Ук. соч., с. 63. Для более отдаленных эпох допуск может быть еще более значительным (см. там же, с. 77—79); Дьяконов И. М. Основы хронологии Вавилонии и Ассирии. — В кн.: Бикерман. Ук. соч., с. 307—319.

товой астрономической документацией; 2) что каждая предлагаемая исторической наукой датировка должна рассматриваться как притязающая на абсолютную точность, хотя у самих историков таких притязаний нет; 3) что астрономия не может помочь *уточнению* исторической хронологии, но может только «подтверждать» или «опровергать» ее. Неприемлемость таких постулатов очевидна.

II

В изложении «новых, неизвестных Морозову методик» (§ 2—3) авторы брошюры используют математический аппарат. Математик и писатель И. Грекова предупреждает: «То, что математический язык часто непонятен гуманитариям (...), создает вокруг исследований, написанных на этом языке, некий „ореол непогрешимости“. Принято считать, что выводы, полученные при помощи математического аппарата, тем самым уже непререкаемы. Отнюдь нет! Само по себе наличие математического аппарата никак не придает точности и достоверности научному исследованию. С помощью этого аппарата исследуется не само явление, а его математическая *модель* (курсив автора. — *Рец.*), которая может быть как удачной, так и неудачной (к сожалению, последнее в гуманитарных областях встречается чаще, чем хотелось бы)»²¹.

Некритическое отношение авторов «методик» к своим детищам показывает, что, к вашему удивлению, и некоторые математики, обращаясь к предметам гуманитарных наук, могут оказаться подвержены магическому обаянию того же «ореола непогрешимости» не в меньшей мере, чем не понимающие математического языка гуманитарии. Значит, дело в непонимании не самого языка, а того, что его употребление само по себе не имеет верифицирующей силы: ложное рассуждение (или суждение) остается ложным, независимо от языка, на каком оно выражено. Поэтому попробуем разобраться в предлагаемых брошюрой «методиках», рассматривая их на *доматематическом* уровне, а также на уровне *общей логики* посылок, материала, выводов и интерпретаций.

Обе «методики» основаны на *априорных* «моделях», которые теоретически должны затем «проверяться». Это ставит перед нами два вопроса: 1) не приходит ли предлагаемая «модель» в противоречие с материалом уже *до* математической проверки, и 2) насколько корректны предлагаемые нам способы проверки. Проверкой методики должен служить каждый случай ее применения.

«Методика», именуемая «принцип максимума Мищенко» (описана в § 2.1, с. 15—17), имеет целью найти способ определения *относительной* хронологии ряда текстов, связанных между собой общими ссылками и взаимными цитатами («параллельными местами»). Авторы ее пытаются пользоваться для этого подсчетами «параллельных фрагментов» в попарно берущихся текстах и строить соответствующие «частотный график» и «частотную матрицу», составляемую из численностей «параллельных мест» для всей взятой совокупности текстов²². Авторы спрашивают: «Можно ли теоретически предсказать строение этой матрицы?». Но для методики, рассчитанной на применение, важен и другой вопрос: возможно ли *практически* построить и проверить такую «матрицу», которая исчерпывала бы весь материал или хотя бы основывалась на выборке, представительность которой могла бы быть доказана, а пределы точности определены (т. е. мы могли бы быть уверены, что оставшийся за пределами выборки факт не ломает всю модель)? Постараемся показать, что авторам брошюры это так и не удалось.

Автор рассматриваемой «методики», не входя в эти сложности, заключает: «Для этого нужна некоторая априорная модель поведения цитаторов. *Простейшая* модель состоит в том, что чаще цитируются тексты, близкие по времени к цитатору, а более отдаленные тексты цитируются реже» (с. 15). Дальше описывается ожидаемый внешний облик графика, который отвечал бы этой «модели».

Но почему она вообще заслуживает проверки? Ведь и так видно, что она не может быть универсальной (вспомним хотя бы «Опыты» Монтеня или «Круг чтения» Толстого, ничуть ей не отвечающие). Разными бывают «цитаторы», разной — роль цитат в тексте,

²¹ Грекова И. На пути к синтетизму.— В сб.: НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980, с. 224 сл.

²² В нашем изложении мы не воспроизводим и не описываем математический аппарат «методик», а прослеживаем их логический ход, который авторы хотят выразить (или, напротив, замаскировать) этим аппаратом.

разными — типы культур, к которым «цитаторы» и тексты принадлежат. Предложенная Мищенко модель естественна разве для сегодняшнего диссертанта с его установкой на то, что новая литература отменяет или поглощает собой предшествующую. Но в традиционалистских культурах (а к ним относятся все культуры, предшествовавшие развитому капитализму), древность текста есть безусловное мерило его ценности. Греческое слово *νεος* в древних текстах, как пишет С. С. Аверинцев, «означает не только „новое“, но и „молодое“, а потому в соответствии со взглядами традиционалистского общества легко приобретает смысл порицания („новое“ как юное и постольку чуждое старческой многоопытности, как экстравагантное и постольку чуждое устоявшейся мудрости)»²³.

Так что же, предложить в качестве альтернативной модели противоположную? Но традиционализм не означает абсолютного застоя. Литературные жанры развивались; менялись вкусы и моды — рядом со старыми традициями появлялись более молодые. На «поведение цитаторов» влияют и идеологическая борьба, политическая и литературная полемика и т. д. Короче, именно «простейшая» модель, несомненно, должна быть ложной (поскольку историческая, идеологическая, литературная ситуация всегда сложна), а более сложная модель не может быть универсальной.

В какой-то мере это понимают и авторы брошюры. «Например, — пишут они, — *особо* авторитетный текст будет цитироваться *ненормально* долго» (с. 16). Думаем, что подчеркнутые нами слова никакой нагрузки, кроме эмоциональной, не несут. (В чем именно состоит «особость» «особо авторитетного текста»? Кем или как устанавливается «норма» давности для цитирования? «Нормально» ли сегодня цитировать Пушкина, Ломоносова и т. д. в глубь веков?) Поэтому, вычеркнув неинформативные слова, мы получаем утверждение: «авторитетный текст будет цитироваться долго». Оно бесспорно, но тривиально и основы для универсальной модели тоже не дает.

Автор «методики» пытается выйти из затруднения (за счет усложнения теоретической модели. В своей второй модели Мищенко относит каждому автору „коэффициент компилятивности“ <...>, измеряющий интенсивность, с которой он цитирует предшественников, и „коэффициент авторитетности“ <...> измеряющий интенсивность, с которой его цитируют последователи...» (с. 16). Но измеримы ли *практически* эти величины? И этот вопрос не волнует авторов брошюры, полагающих, что недостаточность «согласия теории с практикой» не отменяет «простейшей модели», а лишь требует «уточнения» результатов ее применения.

Перейдем теперь — за авторами брошюры — сначала к двум примерам, «имеющим, в основном, иллюстративное и проверочное значение» (с. 18). Начнем со второго (§ 2.3), более наглядного в своей некорректности. Приведем его почти целиком: «Фоменко применил методику Мищенко к последовательности 25 римских императоров от Августа до Каракаллы. Каждый император имел много имен (например, Цезарь Август Антонин Пий Тит Аврелий Фульвий Бойоний Аррий Элий Адриан²⁴), что позволяет построить частотную матрицу (таким образом, „текстом“ здесь является полное имя императора, а „параллельными местами“ — общие имена). Оказалось, что эта последовательность идеально удовлетворяет принципу максимума...» (с. 18 — далее следует строка описания графиков).

Несостоятельность этой попытки проверить модель, лежащую в основе методики, обусловлена *подменой* этой модели *другой* моделью: точнее — двумя взаимодействующими моделями. А именно: 1) моделью наследования императорской власти (ее, как правило, наследовал сын или усыновленный) или (в случае ее захвата) ее последующей легитимизации; 2) моделью римской системы антропонимии (с теми ее модификациями, которые характерны для императоров и их семей). Об этой системе можно прочесть в соответствующих пособиях²⁵. Здесь заметим только, что в римском сложном имени каждый элемент имел определенное происхождение, место и значение; при нарушении

²³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 265, прим. 62 (со ссылкой на «Синонимичку греческого языка» Г. Шмидта). С. Аверинцев говорит о синониме *κλιβς* как о «нейтральном в оценочном отношении», но и это слово имеет значение «странный».

²⁴ Это — приведенные в произвольном порядке элементы *трех* полных имен Адриана: до его усыновления Траяном, после усыновления и императорского имени.

²⁵ См. хотя бы: Федорова Е. В. Лагинская эпиграфика. М., 1969, с. 71—101 (особенно — 94 — 101).

же этого порядка значимым (а не случайным) было само нарушение. Часть элементов имени наследовалась от отца или переходила от усыновителя, а такие элементы, как *Caesar* и *Augustus* очень быстро стали фактически титулами. Присоединение имени (или его элементов) одного из предшествующих императоров к собственному (или даже замена последнего первым) тоже было обычной практикой (служба целям легитимизации). Таким образом, реальная модель перехода части элементов имени от одного императора к другому объясняется из собственных закономерностей этого явления и не имеет отношения к надуманной частотной «модели поведения цитаторов»²⁶. (Тем более, что уподобление полных имен «текстам», а повторяющихся элементов имени «параллельным местам» есть просто сравнение или метафора и относится к области риторики, а не строгой научной методике.)

Другой пример иллюстрации-проверки, претенциозно озаглавленный «История древнего Рима», к сожалению, маловразумителен. Приводим выписку: «Для проверки своей методики Мищенко рассмотрел последовательность 34 авторов, собиравших информацию, касающуюся истории древнего Рима от Софокла до Зонары. В обзоре [8]²⁷ для каждого события римской истории перечислены авторы, описавшие это событие, что, очевидно, немедленно позволяет составить частотную матрицу. Оказалось, что в этом примере методика срывает уже на первом этапе...» (с. 17—18, следуют неполные две строки о поведении графика).

Очевидно, что материал брался из чужих рук, но какой и как остается неясным. Почему «рассматривалась» последовательность «авторов», а не текстов (как предполагалось бы «методикой»)? Какую информацию об истории Рима сообщает Софокл? Его, естественно, нет в указателе к «Очеркам» Низе, но, судя по словам авторов, «частотная матрица» составлялась при посредстве этого пособия. Что, однако, легло в ее основу: краткие источниковедческие введения к каждой главе пособия (они составлены не по «событиям», а по периодам и рассматривают не сохранившиеся источники в одном ряду с сохранившимися) или обычные сноски со ссылками на источники? В том и другом случае авторы «матрицы» имели дело не с текстами источников, а с их оценкой или использованием Б. Низе, т. е. либо с устанавливаемой им генеалогией источников, либо с его подборками глухих ссылок на источники, которые казались ему предпочтительными. Так или иначе основой проверки служили результаты старой работы, отразившей тогдашний уровень науки²⁸, который и «моделировался». Иными словами, мы вновь сталкиваемся с подменой.

Итак, оба «иллюстративно-проверочных» примера построены на произвольных моделях произвольной модели (так как авторы не обосновывают постулируемую ими связь моделей, примененных в примерах 2.2 и 2.3 с общей моделью 2.1), которые не могут служить проверке методики.

Казалось бы, авторы должны были непосредственно столкнуться с материалом источников в § 2.4 «Параллельные места библейских книг». Но и тут мы опять находим подмену основной (или упрощение «простейшей») модели. Поясним. Авторы брошюры пишут: «В результате многовековой деятельности теологов в Библии было обнаружено около 18 тыс. параллельных мест (они указаны на полях каждого полного издания Библии» (с. 18). Не будем останавливаться на том, что список этот не исчерпывающ даже для библейских книг (не говоря об отсутствии в нем апокрифических) и в отдельных случаях отражает субъективную направленность работы его составителей (то и другое можно было бы показать). Дело даже не в этом. Простой просмотр «указанных на полях» параллельных мест, например, к 1-й главе Апокалипсиса (ниже будет видно, почему мы выбрали эту книгу), показывает, что понятия «параллельных мест» и «цитаты» не совпадают. Наряду с действительными цитатами (например, из книг

²⁶ Авторы брошюры заканчивают рассматриваемый ими ряд имен Каракаллой. Если бы они продолжили его, то увидели бы, что между Северами и Аврелианом, когда переставала действовать нормальная до того «модель» наследования власти, картина совсем изменилась.

²⁷ Под № 8 в списке литературы к брошюре (с. 36) указано популярное в начале века пособие: Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908.

²⁸ По своим взглядам Б. Низе принадлежал к гиперкритическому направлению в историографии.

пророков) мы находим среди «параллельных мест» любые виды переклички: общие мотивы, словесные формулы, вообще устойчивые словосочетания (такие, как «верный свидетель»), — короче, «общие места». К тому же границы между цитатой и общим местом здесь настолько размыты, что очень часто без смыслового анализа нельзя понять (или вообще нельзя установить), имеем ли мы дело с заимствованиями или с элементами общего (для определенного круга памятников) языка. Поэтому и параллельные места Библии не могут быть механически связываемы ни с какой «моделью поведения цитаторов». Нетрудно также увидеть, что по объему «параллельное место», как правило, не совпадает со стихом, но составляет его часть, нередко небольшую (скажем, два слова). Между тем все изложение данного параграфа основывается на идентификации «параллельного места», во-первых, с цитатой и, во-вторых, с целым стихом.

«Из 77 книг библейского канона²⁹» авторы брошюры выбирают 55, которые, как они полагают, имеют более или менее определенные датировки у «историков». Остальные 22 книги они отбрасывают. Итак, «расположив 55 библейских книг в их хронологической последовательности, Фоменко составил и изучил соответствующую частотную матрицу (размером 55 × 55). Оказалось, что почти все (а именно 50 из 55) библейских книг удовлетворяют принципу максимума...» (с. 18 сл.). Это-де «показывает, что традиционное упорядочение библейских книг в основном верно» (с. 19).

Заметим, что слова «в основном» здесь могут иметь только количественное значение — мы вскоре увидим, что авторы «методик» отвергают как раз основу упомянутого ими упорядочения, а именно представление о ветхозаветных книгах как о предшествующих новозаветным. Уже то, что мы знаем о «модели» Мищенко и ее несоответствии материалу, указывает на очень высокую (по меньшей мере) вероятность ошибок в выводах из предлагаемых подсчетов. Отметим еще два фактора, которые могут влиять на подсчеты независимо от модели. Во-первых, в Библии есть группы книг, связанных между собой теснее, чем с остальными (это — Пятикнижие, хроники, книги изречений, пророки, в Новом завете — евангелия). Во-вторых, библейские книги (особенно более ранние) подвергались позднейшей обработке, так что многие из параллельных мест могли появиться в ходе этого (многовекового) редактирования.

Но возвратимся к выводу Фоменко. Из пяти «особых», т. е. не «удовлетворяющих принципу максимума», книг от трех авторы отделиваются утверждением, что они-де «имеют малую амплитуду и их тип слабо выражен» (с. 19 — не будем доискиваться, что это значит), от одной (книги Даниила) — «сдвигом <...> к другим пророкам» (т. е. изменением датировки), и, наконец, о последней — Апокалипсисе — мы читаем: «Частотный график Апокалипсиса поразителен. Он <...> тождественен с графиками первых книг канона. Это может означать только одно: Апокалипсис стоит в традиционном списке не на своем месте; его истинное место — в начале списка» (с. 19). Но почему же «только одно»? Мы помним, как авторы брошюры тремя страницами выше писали: «Иное же поведение графиков будет указывать на неправильность либо модели, либо хронологии» (с. 16)³⁰. Все постепенно становится на свои места. Если даже считать «график Апокалипсиса» хоть сколько-нибудь связанным с «моделью поведения цитаторов», то ничто не может воспрепятствовать заключению: неправильна модель.

Авторы брошюры и сами ощущают недостаточность чисто формального обоснования для своего столь сенсационного вывода. «...Этот вывод Фоменко подкрепляет независимым наблюдением, касающимся характера цитирования Апокалипсиса новозаветными авторами» (с. 19). Предлагаемое «независимое наблюдение» являет нам такую примитивизованную логику, такое непонимание природы литературного произведения, роли цитаты (и вообще «чужого слова», по терминологии М. М. Бахтина) в литературе, что нам остается (в который раз) продемонстрировать все это читателю.

«Всего Апокалипсис, — читаем мы в брошюре, — содержит 394 стиха, а после вычеркивания повторений (?) остается 340 стихов. Из этих стихов другим книгам Библии параллельны 167 стихов. При этом 150 стихов цитируют предшественников (в основном, ветхозаветных авторов), 44 стиха цитируются более поздними авторами (новозавет-

²⁹ Авторы нестрого употребляют слово «канон». Среди самих 77 библейских книг различаются канонические и неканонические.

³⁰ Странная ошибка авторов в счете объясняется, видимо, тем, что к § 2.4 они считают свою методику уже проверенной, а пужный им тезис (как заимствованный у Морозова) заранее верным.

ными), а 27 стихов принадлежат обоим группам» (с. 19). Заметим, что единицей «изменения» цитат (этот термин, как мы помним, по смыслу неадекватен предмету) здесь служит стих, неадекватный «цитате» и по объему. Отсюда — утверждение, неверное фактически: «Таким образом, во-первых, почти половина Апокалипсиса заимствована из Ветхого завета...». Дальнейший вывод неверен логически: «...что очень странно, ибо трудно понять, почему столь несамостоятельная книга получила столь широкую известность». Самостоятельность или несамостоятельность произведения не определяется числом цитат, так как в новом контексте цитаты могут получать совсем иное звучание, а целое — иной смысл. Но можем ли мы вообще думать, что те, к кому обращен был Апокалипсис, должны были ценить его за «самостоятельность» (авторы, кажется, опять сбиваются на «диссертантскую» модель)? Этот критерий в истории культуры очень молод. Читателей (или слушателей) Апокалипсиса интересовали не собственные мысли автора³¹, не его художественные приемы, а то, в чем они видели божественное откровение, лишь переданное им через человека. Они ждали от книги не «самостоятельности», а того, что считали истиной, в чем видели весть о предстоящих (как им представлялось) событиях. Возвратимся к тексту брошюры: «Во-вторых, почти две трети новозаветных цитат из Апокалипсиса являются его заимствованиями из Ветхого завета. Казалось бы, это означает, что послеапокалиптические авторы пользовались Апокалипсисом, как сборником ветхозаветных цитат (почему? — *Ред.*). Однако этому противоречит то, что их прямые цитаты из Ветхого завета (минуя Апокалипсис) существенно многочисленны (порядка тысячи)» (с. 19 сл.).

Указав еще раз на неправомочность упрощающего отождествления параллельного текста с цитатой, заметим, что сам по себе описанный здесь характер цитирования совершенно естествен и не дает оснований говорить о «трудностях», как делают авторы брошюры. Их заключение оказывается совершенным паралогизмом: «Все эти трудности отпадут, если мы поместим Апокалипсис в начале списка: цитат в Апокалипсисе не будет, и, напротив (?), он окажется одним из самых цитируемых произведений» (с. 20). Думаем, что книгу без «цитат»³², т. е. книгу, никак не ориентированную в мире окружающей ее литературы (и вообще культуры), но обращающуюся к читателю на языке уже знакомых ему образов и «общих мест», вряд ли можно представить себе на месте Апокалипсиса. (Если вообще возможно: книг без «предшественников» и без контекста нет, хотя контекст может быть и неписьменным.)

Логика продемонстрированного «независимого наблюдения», впрочем, абсурдна не только применительно к древней религиозной литературе, но и к *любим* литературным произведениям, связанным «взаимными цитатами». По такой «логике» «Памятник» Пушкина должен быть сочтен написанным раньше «Памятника» Державина, так как иначе будет «трудно понять», почему первый «получил столь широкую известность»!

Итак, из того очевидного обстоятельства, что авторы брошюры, постоянно прибегая к подменам моделей или понятий, так и не смогли предъявить читателю *ни одного* примера прямого применения методики, основанной непосредственно на «модели поведения цитаторов», можно заключить, что такое применение ее *практически неосуществимо*, точно так же, как это было показано выше для методики «непредвзятого астрономического датирования». (Разумеется, неосуществимость методики не снимает остальных связанных с ней вопросов).

Последняя встреча с очередной модификацией «принципа максимума» предстоит нам в «предложенной и разработанной Мищенко и Фоменко» методике «ономастограмм» (§ 3, с. 20—26). Она представляется нам самой прихотливой из «новых методик» и дает наиболее удивительный пример паралогизма, облеченного в наукообразную форму. Показать противоречие между ее априорными посылками и результатами ее применения оказывается до смешного легко, но сначала попытаемся дать ее краткое описание.

В основу применения этой «методики» кладется «конкретная шкала, построенная Фоменко», т. е. «некая последовательность текстов, покрывающих всю историю Ви-

³¹ О «принципиально неавторском слове» в Библии см. *Аверинцев С. С.* Греческая литература и ближневосточная «словесность». — В сб.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 213, слл.

³² В самом широком смысле этого слова.

зантии (с IV по XV в. н. э.)). Шкала «содержит 51 текст» от Дексиппа Афинянина³³ до Георгия Франдзы (с. 21). Для каждого текста авторы составляли список имен, заносив в него каждое один раз, «сложные имена разбивались на составляющие». Число имен, общих каждому тексту и другим текстам, клалось в основу «соответствующих частотных графиков», которые авторы и именуют «ономастограммами». Авторы (основываясь на наблюдениях) главное значение придают «общему ходу» «ономастограмм», допуская их «сжатие или растяжение по вертикальной оси» (с. 22), т. е. не интересуясь абсолютным числом совпадающих имен или процентным соотношением совпадающих и не совпадающих (последние, таким образом, вообще устраняются из подсчетов). Вне поля зрения авторов остаются и частотность употребления одних и тех же имен, и всякая связь имен с конкретными лицами. Для «уточнения» датирования авторы предлагают брать три текста: *A* (датируемый), *B* (с такой же, как у *A* «ономастограммой»), *X* (из «шкалы»). Теперь, по мнению авторов, если «множество общих имен тройки *A*, *B*, *X* мало, по сравнению с множеством общих имен пар *A*, *X* и *B*, *X*, то текст *A* одновременно с текстом *B*. Тексты *A* и *B*, удовлетворяющие условиям этого критерия, — заключают авторы брошюры, — мы будем называть ономастоподобными» (с. 23).

Непостижимым образом (впрочем, об авторских обоснованиях см. ниже) авторы «методики» верят в ее датирующую силу. Они, правда, делают оговорку: «здесь, конечно, а priori предполагается, что текст *A* (т. е. датируемый текст. — *Ред.*) относится к интервалу III — XV вв.» (с. 21 сл.). Без этого априорного предположения «методика», по заверению ее авторов «может установить лишь событийную одновременность (в пределах 1—2 столетий) данного текста с одним из текстов шкалы» (с. 22). Больше того, они берут на себя смелость утверждать, что «если ... текст *A* уже имеет в исторической науке датировку, то расхождение ее с датировкой текста *B* будет указывать на ложность этой³⁴ датировки» (с. 23).

Ну, а теперь познакомимся с образцами ономастографических³⁵ датировок. Мы обойдем вниманием попытку передатировок нескольких церковных авторов (с. 23), так как диапазон большинства из них — лишь 3—4 века, а предполагаемые пределы точности «методики» — 1—2 столетия³⁶. Рассмотрим лишь несколько примеров «датировок» античных текстов. «Греческую историю» Ксенофонта авторы брошюры датируют концом XII в. — она-де «ономастоподобна (и значит одновременна) текстам Никиты Хонната»; Плутархову биографию Агесилая — тоже XII в. («ономастоподобна» и «одновременна» текстам Евматия Макремволита), а его же биографию Александра — VI в. (сопоставляется с «текстами Прокопия Кесарийского»); Илиада «также ономастоподобна текстам Евматия Макремволита» (все датировки принадлежат Фоменко — с. 25).

Авторы брошюры с серьезным видом заключают: «Обратим внимание, что, таким образом, методика ономастограмм распределяет античных авторов по Средним векам по каким-то нетривиальным правилам <...>, а не относит их к эпохе Возрождения как это делал Морозов». Они странным образом забыли, что не «методика» относит датируемых ими авторов к Средневековью, а их собственное априорное предположение, ясно сформулированное ими на с. 21 сл. и цитированное нами чуть выше!

«Ономастограмма» текстов Прокопия Кесарийского (VI в.) упоминается авторами брошюры среди тех, которые послужили им критериями для датировок, а значит, датировку текстов самого Прокопия они считают надежной (ср. о тексте *B* на с. 23) и текст его аутентичным (иначе он не мог бы служить основой для датирующей «ономастограммы»). Между тем в «Воине с готами» Прокопий дважды цитирует Гомера. Правда, обе цитаты — из Одиссеи, а Фоменко датирует XII в. Илиаду. Но авторы

³³ С фрагментов Дексиппа начинается сб.: Византийские историки, пер. с греч. С. Дестунисом. СПб., 1860, но, строго говоря, Дексипп — не византийский историк, а грекоязычный римский: он писал в середине III в., до разделения империи.

³⁴ Грамматически неясно, к чему здесь относится слово «этой», но несомненно, что авторы говорят о «ложности» реальной датировки, предпочитая ей воображаемую.

³⁵ Авторы брошюры называют такие датировки «ономастическими», но мы не следуем их примеру, так как это слово употребляется в научной литературе вне всякой связи с методиками, подобными рассматриваемой.

³⁶ Эти передатировки пужны авторам для подтверждения концепций Морозова. В число «церковных авторов» они включают и некоторые новозаветные тексты (датируемые ими VIII—IX вв. и позже).

брошюры, напомним, уже писали, что вопрос о принадлежности гомеровских поэм «одному лицу», как они слышали, «положительно решен (...) в Америке...» (с. 10). Благодаря намеренно слепому изложению брошюры мы не знаем имен большинства византийских авторов, включенных в «шкалу» Фоменко и, следовательно, считаемых им «датированными надежно». Но сам факт такого использования 51 из них позволяет нам обратить внимание на то, как цитируют «передатированных» Фоменко античных авторов не только Прокопий, но и другие византийские историки. Продолжатель Прокопия Агафий (VI в.) цитирует Илиаду; Феофилакт Симокатта (VII в.) цитирует обе поэмы Гомера, упоминает и Фукидиду, и Ксенофонта; Михаил Пселл (XI в.), рассматривая способы хронологического распределения материала, упоминает о Фукидиде (называя его просто Историком)³⁷ и т. д. Таких примеров можно привести очень много и часть их, без сомнения, придется на авторов, включенных в «шкалу». Таким образом, если верить Фоменко, то византийские авторы систематически цитировали еще не написанные книги и знали писателей грядущих веков! Альтернатива этому абсурду одна: «методика» не выдерживает первого же столкновения с *содержательной* стороной используемого ею материала и дает фантастические результаты³⁸. Можно лишь удивляться: неужели авторы методики даже не читали «обрабатываемых» ими текстов?

Хотя все уже ясно и так, посмотрим все-таки, что за автор Евматий Макремволит³⁹ и какие имена мы находим в его «текстах». Автор этот действительно датируется XII в. Напомним, однако, что, по условию, под «текстом» авторы брошюры обещали понимать отдельное сочинение (или отрывок сочинения), освещающее некоторый отрезок *истории* Византии длительностью не менее столетия (с. 20 сл.). Более того, текст *В* должен быть найден «среди текстов шкалы» (с. 23), а «шкала текстов», как мы помним, по замыслу авторов должна покрывать «*всю историю Византии*». Сочинение Евматия этому условию не отвечает. Это — *аллегорический роман*, действие которого протекает где-то в античности, но *вне конкретного времени и пространства* (см. Полякова. Ук. соч., с. 96—98). Мы попытались выписать из романа все имена — их более 60⁴⁰. Из них к действующим лицам относятся всего 11, из которых 10 встречаются у античных писателей того или иного периода (от классического до римского), но *ни одно* — у Гомера⁴¹ 50 имен — мифологические (из них 30 — имена *богов*). Совпадения с гомеровской ономастикой несомненны именно в этой — самой многочисленной — группе имен. Упоминаются (и цитируются) в романе и сам Гомер, наряду с Гесиодом, и отдельные литературные или исторические персонажи, чьи имена употреблены нарицательно (Сократ, Крез и Абрадат). Кто же могут сказать такие совпадения имен (какова бы ни была конфигурация «ономастограммы»)? Что время деятельности Зевса, Афины и других богов приходится на XII в. н. э.?

Мы попытались выписать все имена также из Плутарховой биографии Агесилая. Из 97⁴² имен в ней *всего 10*, общих с Евматием (7 имен *богов*, 3 имени гомеровских героев). И вот, столь смехотворный материал предлагается нам как основа для графиков, конфигурация которых должна *механически* переводиться в сенсационно-паралогические выводы!

На этом можно было бы и покончить с «методикой ономастограмм», «простой, надежной и наглядной», как рекламируют ее авторы брошюры (с. 20). Но из любопыт-

³⁷ Эти (и другие) примеры легко найти, пользуясь указателями хотя бы к изданиям русских переводов.

³⁸ А если предполагать позднейшие вставки в тексты «шкалы», то уже нельзя будет говорить о шкале «ономастограмм».

³⁹ Его сочинение переведено С. В. Поляковой (в сб.: Византийская любовная проза. М.—Л., 1965), которой принадлежит и специальная монография о нем: Из истории византийского романа. Опыт интерпретации «Повести об Исминии и Исминие» Евмафия Макремволита. М., 1979 (где очень интересно исследуются, между прочим, параллельные места, смысловым анализом которых и обосновывается датировка романа XII веком).

⁴⁰ Число указывается приблизительно не только потому, что подсчет производился один раз, но и потому, что не всегда ясно, какие имена считать. Например, в романе упоминаются персонифицированные Стыдливость, Целомудрие и т. д. Это — имена? Аид в романе упоминается как местопребывание мертвых. Но это и имя бога.

⁴¹ Проверка производилась по IV т. словаря Папе. По поводу имен из романа см. также Полякова. Ук. соч., с. 65 и 92.

⁴² Или 94—95 (ср. прим. 40).

ства (возможно, праздного) попробуем посмотреть, на каком основании авторы вообще предполагают за ней датирующее значение (это — самое непонятное), и есть ли какое-нибудь реальное содержание у графиков-«ономастограмм».

Авторы «методики» связывают ее с тем же пресловутым «принципом максимума». «Естественно полагать, — пишут они, — что автор текста X использует имена соответствующей эпохи, употребляя имена других эпох тем реже, чем они дальше от эпохи X» (с. 21). Это, с их точки зрения, — опять-таки «простейшая ономастическая модель». Опять же очевидно, что она не может быть универсальной (вспомним «Руслана и Людмилу» или «Маленькие трагедии» Пушкина, значащие имена в литературе классицизма и т. д., вплоть до имен в произведениях А. Грина и И. Ефремова). Да и к какой вообще эпохе отнести такие имена, как Алексей, Александр, Андрей, Эдуард и сотни других? Срок их жизни исчисляется столетиями и тысячелетиями. Многие из них могут встречаться и в виде образованных от них фамилий и т. д. Все это не значит, что датировка по именам невозможна⁴³, но она не может быть механической. Имя должно рассматриваться в связи с системой антропонимии, с просопографией, с социальным звучанием имен, с историей религий и многим другим. Для имен, встречаемых в литературных произведениях, существен контекст: имеем ли мы дело с именем конкретного реального лица, с именем, бытующим в литературе, с историческим или литературным примером, с нарицательным употреблением имени и т. д. Изолированные от связей и контекста подсчеты имен *ничего датировать не могут*.

Непосредственную связь имени (не персонажа) с конкретной эпохой можно постулировать далеко не всегда. Имена, встречающиеся в византийских источниках, будут делиться на греческие и «варварские». Среди первых окажутся: часть крестильных имен, родовые и индивидуальные прозвища, а также античные имена, приводимые для сравнения, для исторического примера, как нарицательные. Византийские прозвища не похожи на античные имена. Среди крестильных имен уже окажется некоторая часть античных (принадлежавших лицам, канонизированным впоследствии церковью). Но наибольшее число имен, общих для византийских и античных текстов, будет, конечно, попадать в «ономастограммы» за счет приводимых у византийских авторов цитат, примеров или просто нарицательного употребления античных имен (вспомним о романе Евматия; такое же словупотребление можно встретить и у историков — ср. вступительные разделы сочинения Феофилакта Симокатты и т. п.). Поэтому совпадения имен у византийских и античных авторов и общий ход «ономастограмм» (если они основаны на реальных списках имен) должны отражать прежде всего *характер и колебания популярности античных авторов в разные периоды истории Византии* (недаром, видимо, на двух разных «ономастограммах», приведенных на с. 24 брошюры, горбы и падения графиков античных имен приходится в большинстве на те же номера византийских авторов). Но, конечно, нет смысла выяснять столь громоздким путем то, что и так общеизвестно⁴⁴.

Почему математизированные «методики» § 2 и 3 оказались не поддающимися подтверждению или явно несостоятельными? Вернемся к цитированной уже статье И. Грековой. «В изобилии появляются, — пишет она (с. 225), — работы, где применяется математический аппарат, а науки нет и в помине. Порок этих работ — *отсутствие доматематического, качественного анализа явления, подлинной постановки задачи*» (курсив наш. — Ред.). Этот аппарат оказывается приложен «к решению вздорной, надуманной, уродливо поставленной задачи, не имеющей никакого отношения ни к чему. Подобного рода научные пустоцветы чаще всего растут на почве новых <...> отраслей знания, где пока нет установившихся традиций» (там же). Конечно, историческая наука в таких отраслях знания не относится, но ведь для авторов брошюры она не то что нова, она им по существу незнакома. Традиций ее они знать не хотят, материалом ее не владеют.

⁴³ Так, датировке римских надписей по содержащимся в них именам и титулатуре императорских рабов и отпущенников посвящены объемистая монография Г. Шантрена (1967) и значительная часть монографии П. Вивера (1972).

⁴⁴ О реальном (а не воображаемом) соотношении античной и византийской литературы можно прочитать в любом пособии или исследовании.

Остается еще одна «методика», описанная в § 4 «Династические параллелизмы». Мы не располагаем местом для столь же подробного ее рассмотрения, да оно и не представляется нам необходимым. Авторы тут полностью зависят от Н. А. Морозова, о чьих взглядах нам, наконец, придется кратко сказать. На их собственную долю приходится лишь (выполненная Фоменко) попытка формализации и некоторого расширения сферы применения одного из морозовских «паблоудений».

Поэтому на сей раз мы начнем не с изложения методики, а с препаровки материала Морозовым: с «обнаруженных» им «среди древних династий „параллельных“ (изоморфных) пар» (с. 26). Составленные Морозовым и лишь слегка подправленные таблицы воспроизведены в брошюре (две из трех). О прочих «параллелизмах» лишь сообщается (см. ниже). Рассмотрим лишь первую из этих таблиц: «Сравнение Римских империй II и III. Струи, найденные Морозовым» (с. 30)⁴⁵. Будем только говорить не о неизвестных истории «империях II и III», а просто о левом и правом рядах таблицы. В левом перечислены «императоры» («династы», «правители») Рима от Суллы до Каракаллы, в правом — от Аврелиана до... Теодориха с указанием для каждого числа лет правления. Ряды, по Морозову—Фоменко, должны демонстрировать полную симметрию. Какими же средствами она достигается?

1. Верхняя и нижняя границы этих рядов произвольны. Если «империей» считать территориальную державу римлян, то ее возникновение надо относить ко времени после I Пунической войны (III в. до н. э.), если — форму правления, то надо начинать с Августа⁴⁶. (Деятельность Суллы и даже Цезаря принадлежит *предыстории* империи.) Если же считать «императором» всякого человека, получившего на время исключительное влияние или чрезвычайные полномочия в римском государстве, то и Сулла отнюдь не был первым. Одоакр и Теодорих не были ни императорами (как бы их ни характеризовали византийские авторы), ни даже римлянами. Это были германские завоеватели — варварские короли, деятели сложной переломной эпохи, последовавшей за падением Западной Римской империи. Произволен и обрыв левого ряда на Каракалле. На нем не прекратилась даже династия Северов, к которой относятся также недолгое правление Элагабала (218—222) и долгое — Александра Севера (222—235).

2. Сам характер используемого материала таков, что предоставляет Морозову, а за ним и Фоменко широкие возможности подбора удобных им вариантов при определении длительности правлений. С какого, например, года начинать «правление» Суллы? С 88 г. до н. э. (взятие Рима его войсками)? С 83 г. (высадка в Италии после войны с Митридатом)? С конца 82 г. (провозглашение диктатором)? Каким годом его кончать? 79 г. (сложение полномочий) или 78 (смерть)? Морозов и Фоменко отводят «правлению» Суллы четыре года. Варианты — от 10—11 до трех! Серторий в качестве римского династа придуман, видимо, Фоменко (у Морозова здесь сказано просто «сдвиг в 8 лет»). Серторий не правил Римом и дня. При господстве Цинны и Мария в Риме (87—83 гг. до н. э.) он был в рядах их сторонников. При Сулле и после Суллы находился *вне* Рима на положении политического изгнанника и в течение нескольких лет с группой своих приверженцев и в союзе с местными племенами вел в Испании партизанскую войну против римских войск. 21 год, отводимый на «правление» Помпея, — явная натяжка: Помпей в этот период действительно принадлежал к самым влиятельным политикам Рима и *не раз* получал чрезвычайные командования за пределами Италии и чрезвычайные полномочия в Риме⁴⁷. На «правление» Цезаря, который перешел Рубикон в 49 г. до н. э. (с этого года его сторонники держали в руках Италию) и погиб в 44 г., Морозов и Фоменко отводят *одни год*. На правление триумвиров (II триумвират) Фоменко — 17 лет (у Морозова здесь «сдвиг в 21 год»), но один из них — Лепид — был отстранен от власти уже через 6 лет после создания триумvirата, который так и распался. Уже с этого времени Октавиан (будущий император Август) остался властителем Запада (Антоний был на Востоке), так что и его время правления

⁴⁵ Соответствующую таблицу Морозова см. в кн. Морозов Н. А. Христос. Т. I, изд. 2. М., 1927; табл. XXII между с. 402 и 403.

⁴⁶ См. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976, с. 26 и 344.

⁴⁷ Утверждая, что период правления Помпея «так и называется „принципат Помпея“», авторы брошюры наивно повторяют *нестрогое* употребление этого слова немецким историком Эд. Мейером.

растяжимо. (Отметим еще две неточности в левом ряду: пропущены два эфемерных императора 69 г. Отон и Вителлий, а два других — Веспасиан и Тит — объединены в одном «правлении».) Что касается правого ряда, то система соправлений, развившаяся в Поздней империи, предоставляет еще больший простор для произвольного подбора «параллелизмов». Некоторые императоры вообще выпадают из списка — в их числе непосредственный преемник Диоклетиана Галерий (293—311), Лициний (308—324), Констант (337—350). В других же случаях императоры, правившие совместно или одновременно, включаются в ряд *последовательных* правителей, как Валентиниан I (364—375) и Валент (364—378), как Гонорий (395—423) и Аркадий (395—408), причем Гонорий был правителем Западной Римской империи, а Аркадий — *Восточной* (*единственный* восточный император, включенный в этот ряд!). Иногда «соправитель», включаемый в ряд, — вообще не император, как полководец Аэций, который помещен перед Валентинианом III. Далее следует еще один полководец-временщик Рецимер (Рицимер), на чье время деятельности приходится несколько императоров, выпадающих из ряда. Об Одоакре и Теодорихе уже говорилось. В результате подобного подбора получается «смутный период» в 4 года между Диоклетианом и Констанцием Хлором, хотя разрыва в датах между этими императорами нет (более того, их правления частью перекрываются): между Констанцием Хлором и Константином появляется 18-летний период «тетрархов» (у Морозова отсутствует), хотя и между этими императорами нет разрыва в датах. Несомненно, что вариантность при таких подборах столь же велика, сколь и возможность подгонки цифр⁴⁸.

Такой подход к материалу и его результаты были подвергнуты уничтожающей критике уже в 1925 г.⁴⁹ Авторы брошюры полагают, однако, что Фоменко (при участии Мищенко), «развив и формализовав» методы Морозова, получил «объективную методику» (с. 26). В чем же ее преимущества перед морозовской?

Уже Морозов указал-де и на «определенный событийный <...> параллелизм «струй» (т. е. в нашем случае — двух рядов таблицы). Фоменко же проследил его «более последовательно (и на базе некоего полуформального алгорифма) <...> Оказалось, что он распространяется очень глубоко, доходя иногда до полного тождества биографий («соответствующим образом формализованных») (с. 31). Можно только спросить, до какой степени *отвлечения от смысла* должна была дойти «формализация», чтобы предположить тождество биографий, скажем, Сертория, который никогда не правил Римом, и Проба, который правил; Помпей — сына видного полководца и политика — и Диоклетиана — сына безвестного вольноотпущенника (добавим, что первый был прирезан на чужбине во время бегства, а второй спокойно умер в собственном дворце); полубезумного эротомана Каллигулы и умудренного философией аскета-неоплатоника Юлиана и т. д. и т. п.?

В противоположность «не владевшему общей методикой» Морозову, Фоменко находит с терминологии, придумывая новое значение для слова «династия», под которым он понимает «последовательность *фактически* правителей какой-нибудь страны безотносительно к их титулатуре и родственным связям» (с. 26). «Последовательность чисел, выражающих длительности правлений династии, Фоменко называет династическим потоком, а ее подпоследовательности, получающиеся *отбрасыванием* тех или иных соправителей, — династическими струями» (с. 26—27). Итак, исторический материал рассматривается абстрактно в виде ряда чисел, причем главным приемом выстраивания этого ряда оказывается «отбрасывание» материала (реального и конкретного), не ведущего к угодным результатам. Далее авторы брошюры сами перечисляют применяемые в «методике» приемы подгонки материала (на с. 27)⁵⁰ и заботятся об «ограни-

⁴⁸ Заметим, что в другой таблице (на с. 32) фигурируют некоторые из тех же императоров, но уже с несколько иными цифрами.

⁴⁹ См. *Никольский Н. М.* Астрономический переворот в исторической науке. — *Новый мир*, 1925, № 1, с. 157—175. Ср. также *Преображенский П. Ф.* Николай Морозов и наука о человеке. — *Антирелигиозник*, 1926, № 11, с. 41—47 (в этом же журнале за 1933 г. были напечатаны также рецензии Н. М. Никольского, А. Б. Рановича, Е. Беляева и др.); *Мишулин А. В.* История с астрономией или астрономия против истории. — *Революция и культура*. 1930, № 23, с. 69—80.

⁵⁰ Авторы объясняют эти приемы наивно описываемыми возможными ошибками «хрониста». Но ошибки и вообще особенности изложения древних авторов надо изучать конкретно, а не конструировать.

чени произвола» (собственного), хотя проще было бы его избегать. Но главное в том, что сами «струи» суть *построение* (а не материал), причем построение не математическое и не историческое (оно не основано на историческом осмыслении источников). И если *фактически* поздняя Империя была системой⁵¹ соправлений, то на каком основании, не считаясь с фактами, преобразуют сложную реальность в линейный ряд?⁵² Систематизация принципов «методики» оказывается здесь всего лишь попыткой упорядочения произвольных приемов трактовки материала ее автором.

Авторы брошюры перечисляют еще девять «династических параллелизмов», добавленных Фоменко к морозовским. Они обещают, что после некоторых формальных операций над их материалом «восстановится исходная схема» истории Средиземноморья и смежных стран, и заканчивают свою брошюру вопросом: «... В чем причина такого устройства хронологической схемы (и других описанных в этой статье феноменов)?» (с. 35). Чтобы понять, в какую сторону этот вопрос нас обращает и на какую направленность методики он указывает, пора, наконец, перейти к «известным концепциям Морозова», которые многими позабылись и которые брошюра оставляет в тени.

Морозов просто отождествлял друг с другом «Римскую империю II» и «Римскую империю III», а также еще кое-что из «параллельных» рядов. Таким путем конструировалась единая «латино-эллинско-сирийско-египетская империя», властители которой (начиная с Аврелиана) «короновались четырьмя коронами» в четырех странах и «при каждом короновании получали особое официальное прозвище на языке этой страны», а в наших разноязычных источниках мы, по Морозову, имеем четыре истории той же самой империи, где те же цари выступают под разными именами. Возникшая в результате путаница и дала-де нам то, что считается историей древнего мира, вообще же вся письменная история укладывается в 1700 лет и те события, которые мы считаем разновременными, происходили параллельно, а древние литературы созданы в эпоху Возрождения, которая на деле была «эпохой фантазерства и апокрифирования» («Христос», I, с. 418. сл.).

Что же было до конца III в.? На этот вопрос Морозов отвечал, как выразились бы авторы брошюры, «простейшей моделью»: были века I, II и III. I век, по Морозову, — «конец каменной эпохи», II век — бронзовый, III век — «вероятное начало выплавки железа из руды». К 368 г. Морозов относит распятие («столбование») Христа (он же восточный ученый Аса, он же... один из византийских отцов церкви Василий Великий), к 395 г. — написание Апокалипсиса (там же, с. 516 сл.). А как быть с историей за пределами Средиземноморья? Древность индийской культуры Морозов, во всяком случае, считает вымыслом и пишет об Индии как о стране, «не имеющей в действительности никакой своей хронологии ранее XVI в. н. э.» (с. 424).

Эта странная фантазия на исторические темы, так сказать, выпрямлявшая действительность и сводившая все богатство и разнообразие истории человечества к вариантам изложения одного и того же, а все противоречившее априорным гипотезам ее автора объяснявшая подделкой, породила (рядом с этой простой) дублирующую — сложнейшую историю фальсификаций и т. п., к которым сводилась, по существу, вся культура человечества. «Подделки» достигали (в воображении автора) такого размаха и слагались при этом в столь цельную систему, что для их создания требовалась бы (и должна была бы действовать на протяжении долгих веков) такая организация, несуществующая которой очевидна⁵³.

Как вышеописанная единая империя могла возникнуть через каких-нибудь двести лет после «каменной эпохи» и притом в условиях «невозможности» денежного хозяйства, Морозова не интересовало. Для нас тоже более интересен вопрос, как подобная фантазия вообще могла появиться на свет. Для ответа надо и к ней подойти исторически, т. е. обратиться к истории деятельности самого Н. А. Морозова и его месту в общественной мысли его эпохи. У нас нет возможности углубиться здесь в эту тему. Мы

⁵¹ Слово «система» мы употребляем (здесь и ниже) не в математическом, а в естественнонаучном значении.

⁵² Не учитывая, кстати сказать, и того, что, кроме «рядов» императоров, можно выстроить и множество «рядов» местных властей (в провинциях, городах и т. п.), которые тоже нельзя было бы «отбрасывать».

⁵³ См. об этом в цит. рец. П. Ф. Преображенского

лишь хотим напомнить хотя бы о двух малоизвестных брошюрах Морозова: «Террористическая борьба» (Лондон, 1880) и «Наука и свобода» (Пг., 1917), позволяющих заключить, что мысли их автора всегда была свойственна утопическая окраска, связанная со стремлением разглядеть в историческом развитии самые простые пути от первобытного «демократа», который «был людоедом»⁵⁴, к обществу будущего. Подробное развитие исторических концепций Морозова началось с книги «Откровение в грозе и буре» (1907), задуманной в одиночке Шлиссельбургской крепости, где автор провел более 20 лет. Предложенная в этой книге «астрономическая» датировка Апокалипсиса, была немедленно опровергнута в серии рецензий как основанная на произвольном толковании образов Апокалипсиса, которое само по себе лежало за пределами астрономии⁵⁵. Но слишком выстрадавшая идея превратилась в неподвижную. Отказаться от нее Морозов уже не мог, а попытки ее защиты неизбежно вели к необходимости опровергнуть всю историю человечества (всю потому, что за картиной античности отвергалась и картина эпохи Возрождения, а это должно было вести и далее), чему и посвящены семь томов морозовского «Христа».

Нетрудно видеть, что движимые пафосом простоты, неприятием «неестественности» античной культуры, излишне усложнявшей, в представлениях Морозова, историю человечества, эти фантазии были тоже утопическим построением, опрокинутым на этот раз в прошлое. Вне системы общетеоретических представлений Морозова они не имеют ни смысла, ни почвы, а у современных эпигонов Морозова сами становятся почвой для некоей абстрактной игры ума.

Мы, впрочем, не собираемся механически отождествлять построения Морозова с их модификацией, предлагаемой авторами брошюры. Как мы из нее узнаем, Фоменко, оказывается, нашел, что «начальный отрезок средневековой Римской (Германской) империи (от 962 до 1264 г.)» параллелен «Римской империи II (82 г. до н. э. — 217 г. н. э.)», а также «следующему отрезку той же Германской империи (от 1308 г. до 1637 г.)», и, таким образом, нижняя граница «династических параллелизмов» еще на тысячу лет (сравнительно с Морозовым) придвигается к нашим дням. Авторы брошюры, как мы помним, не дают своей развернутой хронологической схемы, но, судя по изложению на с. 35, они исходят из того, что «нужно отождествить изоморфные струи». Мы помним, что эти «струи» получены посредством искусственного и насильственного вытягивания многомерной исторической реальности в одномерный ряд. Но откуда сама идея «отождествления», проблема двойника? Откуда же, откуда и сами «струи» — из концепций Морозова. А ему она была подсказана модным в его время гиперкритицизмом⁵⁶ в историографии и источниковедении (крайности которого Морозов и довел до абсурда). Таким образом, претендующая на объективность методика включает в себя исторические фантазии Морозова в качестве постулата, сказывающегося и на обработке материала и на выводах. Поэтому, если при помощи отождествления автор методики получает «некоторую систему абстрактных династических потоков», а дальнейшие операции предполагают отождествления наложенных друг на друга идентичных отрезков этих абстрактных потоков, то следует напомнить, что упомянутая «идентичность» возникает в абстрактных рядах и в результате такого обращения с материалом, какое исключает возможность обратного хода к конкретной истории⁵⁷.

⁵⁴ Морозов. Наука и свобода, с. 5.

⁵⁵ См. прежде всего спокойную и обстоятельную рецензию известного астронома С. И. Блажко в «Критическом обозрении» (вып. II (VII), 1908, с. 85—94), там же см. рецензию историка Н. М. Никольского (с. 50—54). Были и другие отклики.

⁵⁶ Следует помнить о различии между гиперкритицизмом и научной критикой историков. Проблемы авторства, идентичности текста и т. п. могут возникать в исторической науке, требуя всякий раз конкретного подхода.

⁵⁷ Когда эта рецензия была уже написана, мы познакомились еще с двумя последователями за брошюрой публикациями А. Т. Фоменко, касающимися «династических параллелизмов». Их изложение отличается от соответствующего раздела брошюры в следующих пунктах: 1) исчезают ссылки на Н. А. Морозова; 2) таблицы «параллелизмов» не приводятся, но подробнее демонстрируются, так сказать, династико-хронологическая конструкция, предлагаемая автором; 3) видоизменяется математический аппарат «методики». Однако в основном вопросе — об отношении абстрактных числовых построений к конкретному историческому материалу — все остается по-прежнему.

Заканчивая рецензию, мы не можем ограничиться логическим анализом «новых методик» и уклониться от смысловой оценки получаемых с их помощью результатов. Хотя авторы брошюры намеренно скупы на конкретные «хролографические выводы», тем не менее даже приведенных ими достаточно, чтобы кратко сказать и об общей концепции, позволившей им принимать такие выводы всерьез. Но можно ли вообще говорить о взглядах авторов брошюры на историю?

Вернемся к их приводившимся выше словам: «Это (т. е. морозовский подход — *Рец.*) <...> выделяет астрономический субстрат проблемы и препятствует *прикрытию авторитетом астрономии шатких построений историков*» (с. 4). Парадоксальным образом тот же упрек и почти в тех же словах предъявлялся и Морозову в 1908 г.: «Говорить же об астрономической точности книги — это значит <...> *скреплять авторитетом астрономии* то, что не имеет с нею ничего общего»⁵⁸. (Курсив в цитатах наш — *Рец.*) Не знаем, чем объяснили бы эти «параллельные места» авторы брошюры, но, думается, уже это показывает, что дело не в «астрономических» или «статистических» методах, а в способе их использования. Именно тут — в точке сопряжения с историческим материалом — «новые методики», претендующие на объективность, обнаруживают свой крайний субъективизм, выражающийся в нежелании считаться с самим существованием исторической науки, с объективными закономерностями, устанавливаемыми всей системой общественных наук. А ведь выводы, получаемые от применения математики к любой конкретной науке (будь то история, будь то медицина) относятся к области конкретной науки и должны оцениваться в ее контексте.

Возьмем для примера всего три датировки из брошюры: Гомер — XII в.; Фукидид и его продолжатель Ксенофонт — тот же XII в.; византийские писатели XII века — тоже XII в. Датировки Гомера и Ксенофонта — «эпомастографические», т. е., по мнению авторов брошюры, указывающие на «событийную одновременность» (с. 22).

Как они понимают эту одновременность: следует ли отсюда, что Троянская война с ее битвами бронзовым оружием, как и описанная Фукидидом (с точки зрения идеологии античного рабовладельческого полуса определенной ступени его развития) политическая и социальная борьба в Греции, как и византийская историческая действительность XII в. (реальность которой не оспаривается в брошюре) совмещались во времени? Но где и как? Ведь уже между «Илиадой» и Фукидидом — большая эпоха исторического развития (и даже просто истории языка). Мы взяли только примеры, относимые авторами брошюры к одному веку, но в ней все датировки античных памятников такого же рода.

А если мы примем (кажется, это единственная допускаемая авторами альтернатива), что все эти произведения просто придуманы (нафантазированы или подделаны) в эпоху того же Средневековья или Возрождения, то и это ничего не изменит. Ведь всякое литературное произведение непосредственно или опосредованно отражает историческую (экономическую, социальную, идеологическую) реальность своего времени. (Даже фантазии Морозова, как мы могли убедиться, имели какие-то корни в современной ему позитивистской историографии.)

Таким образом, все равно, оказывается ли XII век в представлениях авторов брошюры удивительной эпохой, сжавшей в себе историческое развитие многих веков, или Средневековье и Возрождение оказываются столь же удивительной эпохой, когда было нафантазировано все прошлое человечества, и эти выдумки, принятые потомками на веру, не только составили важнейшую часть культуры будущего, но и сами сложились в столь цельное и сложное единство, что лишь века спустя стали постигать природу описанного в них общества, непонятную самим «выдумщикам». В любом случае, если допустить, что античные памятники были созданы в XII веке или позже — рядом со средневековыми или возрожденческими, то из этого должно следовать, что не только древней истории (и соответственно древних рабовладельческих обществ) не существовало, но и сами Средневековье и Возрождение (а значит и феодальное общество) были не тем, чем их считает история, и т. д. Итак, при первой же попытке систематизи-

⁵⁸ *Астров П.* По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». М., 1908, с. 16. Это не самый интересный из откликов и цитируется здесь из-за буквального словесного совпадения с брошюрой.

ровать по смыслу содержательные выводы рассматриваемой брошюры они приходят в противоречие со всем материалом и выводами общественных наук.

В основе подхода авторов брошюры к историческому материалу лежит допущение, будто в любую эпоху могло быть сделано или придумано что угодно — вне зависимости от ее собственного исторического содержания. Для их представлений не существует никаких исторических границ: эпох, культур, общественно-экономических формаций — с такой легкостью перебрасывают они памятники или события одной эпохи, культуры, формации в другую. По существу авторы брошюры не вносят свои методики в историческую науку, а отвергают саму возможность истории как процесса.

И это — не только следствие попыток применения «новых методик» к истории, но и восходящая к Морозову их методологическая предпосылка. Вспомним, как на с. 21 сл. брошюры все памятники античной литературы были априорно отнесены «к интервалу III—XV вв.», а потом делался вывод, что это методика-де «распределяет античных авторов по Средним векам...» (с. 25). И в логическом, и методологическом аспекте в основе применения «новых методик» оказывается замкнутый круг.

В заключение укажем на то, что авторы брошюры идут против течения современной науки, абсолютизируя отдельные (к тому же основанные по преимуществу на бес-содержательных элементах материала) методы и тем самым отвергая комплексный подход, который один может дать основу для определения границ применимости математических методов в изучении истории и таким образом сделать их, где это возможно, действенным орудием исторического познания.

Е. С. Голубцова, В. М. Смирин
